

* * *

Моя мама, в девичестве Гержой,
Из Песчанки попавши на Урал,
Не сменила тот говор на чужой,
Идиш свой не покинул пьедестал.

Моя мама, в девичестве Гержой,
Отпускала на улицу меня.

Ехал возчик на двор, тряся вожжой,
На весь город бидонами звеня.

Я ходил по заснеженному льду,
По двору магазина «Гастроном»,
В этом малом озлобленном аду
Пахло мерзлой помойкой и говном.

Среди сверстниц и сверстников моих
Я был чуждым, вот чёрт меня дери,
Хоть плевал через зубы лучше них,
Хоть свистел в пальцы громче раза в три,
Хоть гонял я быстрее колесо,
Хоть стоял на воротах всех прочней,
Да и массу немислимых высот
Брал намного и легче и точней.
Я не вырос занудой и ханжой,
Хоть ничто не мешало ими быть —
Моя мама, в девичестве Гержой,
Свято чтит свой местечковый быт:
«Не торчи из построенных рядов,
Не носи вещи, словно попугай,
Помни, кто ты, и будь всегда готов
Убежать, если слышно чей-то лай...»
Я кивал и опять спешил во двор,
В гущу морд и паноптикум зверей.
Одногодки мне ставили в укор,
Что я умный, спокойный и еврей.
Чтоб меня не разъело этой ржой,
Я пейзаж навсегда переменял.
...Мою маму, в девичестве Гержой,
На кибуцном погосте схоронил.

* * *

Тот день был печален, и скрипка играла не мне,
Как будто с дождём заключён был союз до победы,
Хоть профиль виднелся в почти незаметном окне,
Но ветер плескал злые капли в промокшие кеды.

О, эта разлука, как дерево с чёрной листвой,
Не радует взор и сгущает потоки по венам.
Проходят плащи под зонтами, шурша мостовой.
В них нет никого. Только лужи и серая пена.

От долгого вдоха всё меньше простора в груди,
Осталось терпеть, жухлый лист представляя зелёным...

Но если поймёшь – всё пропало, то долго не жди,
В окно постучи мокрой веткой продрогшего клёна.

Надень на себя тот бордовый немислимый плащ,
В котором ты шла по аллее к метро «Китай-город».
И пусть я с утра был бездарен, несвеж и пропащ,
Во взгляде твоём не найдётся и тени укора.

Да, жизнь непроста и разрушена как Колизей.
Уже не годами – веками копилась усталость.
Не думай пустое, и без толку в мир не глазей,
И скрипка, возможно, сыграет тебе, как мечталось.

* * *

Залепило небо зной
Той седой голубизной,
Видишь, кружит Китай-город
Лист осенний, лист резной.

Вся Москва занесена,
Ветер буен без вина —
От Зарядья до Таганки
Лихо катится волна.

Солнца нет, луна ушла,
Не сверкают купола,
Да и мы вторые сутки
Не встаём из-за стола.

Выпьем, братья, за покой,
За ракиту над рекой,
За весёлую подругу,
А другие нам на кой?

Постепенно всё подряд
Свой выстраивает лад.
Дважды два – опять четыре,
Это очень скучно, брат.

Пусть пришёл я от сохи,
Пусть заслуг как у блохи,
Но, когда уйду за звёзды,
Посвятят ли мне стихи?

НЕДОВОЛЬНЫЙ СОНЕТ

Меня не принимают в москвичи,
А если хоть чуть-чуть и принимают,
То всё равно меня не понимают,
Сиди, мол, пей, что дали, и молчи.

Вот в стенку вжались с ятем кирпичи,
И облака над переулком тают,
Дыру в озоне больше не лагают,
Меня не принимая в москвичи.

А вдоль Солянки мчит мотоциклист,
Мы не друзья, хотя душой он чист
И был бы другом, но судьба-паскуда,

Меня не принимая в москвичи,
Не даст в Москве друзей мне, хоть кричи,
А значит, надо мне валить отсюда.

НАСТРОЕНИЕ

Видишь, вечер сгорает дотла,
И засыпано сажей крыльцо,
Но не спит у кривого стола
Человек с прошлогодним лицом.

У него устарели дела,
Паутиной покрыта судьба,
Словно карты она подняла,
А играть оказалась слаба.

Опрокинула кошка стакан
И ушла по кошачьим делам.
Захлебнулся в вине таракан,
Это смерть, что угодна богам.

За окном слышен говор дождя,
Только говор один, без воды.
И, с ума потихоньку сводя,
Разбежались с гитары лады.

Из стены ключья пакли торчат
Облаками несыгранных гроз.
Слышишь – где-то в чулане стучат?
Это бьётся ответ на вопрос.

Подсыхает вино на столе,
Будто нива забыта жнецом...
Улыбается миру во мгле
Человек с прошлогодним лицом.

* * *

Ухожу из Египта. Ухожу. Ухожу.
Горку пыли случайно кольцом закружу.
Словно пудрой покрыты сандалии.
Я – еврей. Я ушёл. И так далее.

Тощий сидор с пожитками. Посох в руке.
Пустота позади. Миражи вдалеке.
Солнце прячется за пирамидами.
Что ж ты, Бог, так жестоко с аидами?

Растерял две недели пришедший нисан,
Ветер красит больной желтизной небеса.
Вижу — ангелы прячутся в мареве.
Как бы молнией в грудь не ударили...

Вверх монетку подброшу – растает как лёд,
Так куда же идти? Где тропа и где брод?
Каждый камешек, злобствуя, колется...
Не поётся мне, да и не молится.

Все в Египте пригрелись, сидят и молчат,
Только я, словно волк, охраняю волчат,

И иду по дороге заплёванной,
Неприкаянный и очарованный.

Я не знаю, когда жизнь свою положу.
Ухожу из Египта. Ухожу. Ухожу.
Будут утра сменяться закатами,
И лохмотья закроются латами,

И в руке вместо посоха вырастет меч,
С ним сподручней свободу свою уберечь
От поганого мерзкого идола.
Так планида дорогу мне выдала.

* * *

Аркадий Натанович, знаете, как бы я с вами выпил!
Вы – мастер принять на грудь, и я, уверяю – тоже.
А вот вам подарок – возьмите на память вымпел,
На нём магендовид, не очень большой, но всё же...

О, как бы уютно сидели мы, лихо начав спозаранку,
Прижав корабли наши бортом вплотную к борту!
Рычит там, за окнами, мир, что всегда наизнанку,
Мы лишний раз чокнемся — и пусть он отвалит к чёрту.

Прекрасная мысль – разговоры чередовать с алкоголем,
Тогда все слова выходят нагие и без прикрас.
Незримо на кухне присутствуют Банев, Кандид и Голем,
И тоже стаканы сводят, не отставая от нас.

Я вновь принесу флакон, прошу, не вставляйте со стула вы,
Какая высокая ценность — смеющееся лицо!
Так будут захлёб беседовать Натанович и Саулович.
И никакому поцу не вставить сюда словцо.